

ТЕОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ

А.Н. Кимберг, заместитель декана факультета управления и психологии
Кубанского университета

КОНТЕКСТ И ЛИЧНОСТНОЕ ЗНАНИЕ

Одна из наиболее интригующих современных проблем — вопрос о том, как новые поколения могут освоить необходимые опыт и знания, если существуют процессы, противодействующие непосредственной и наиболее прямой передаче опыта в рамках микро- а часто и макросоциума? Иными словами, *что* именно работает, если прямая трансляция и инструктаж невозможны? Отметим, что участники процесса передачи опыта чаще всего не удовлетворены его результатами.

«ТЕКСТ-КОНТЕКСТ»

Если не читается текст послания передающего, то в дело, видимо, вступает контекст, в котором появляются эти послания. Кажется, нам стоит расширить привычные представления об общении между людьми, введя в область рассмотрения не только способы создания и характеристики текста, но и широкие вариации в области функционирования контекста.

Понятие контекста широко употребляется в определённых теоретических моделях, и оно выполняет там роль, эквивалентную понятию «среда» в психологических построениях. Основная идея пары «текст-контекст» в том, что смысл элемента определяется объём-

лющей системой: слово обретает смысл только в предложении, предложение — в контексте абзаца, абзац — в контексте книги, книга — в контексте всех трудов автора и т.д. При этом контекст, по сути дела, расширяется до бесконечности, и мы не знаем, что с ним делать.

Ограничимся попытками работать с идеями контекста в некоторых частных областях психологии. Контекст, разумеется, открывает нам более широкие возможности, чем конструкт среды. Как инструмент для моделирования контекст более дифференцирован и обладает выраженной самостоятельной сущностью, большей, чем среда. Наша традиционная психология по способу мышления — всё ещё преимущественно интраличностная конструкция, где среда — это фон, основное назначение которого — более отчётливо представить фигуру, оттенить её, подчеркнуть её особенно выразительные повороты.

Контекст, однако, — это **более чем** фон для разворачивающегося действия, это — **глобальный текст** культурного послания, который повторяется каждый день и каждый час. Контекст удерживает и поддерживает практики, создавая и сохраняя то, что Пьер Бурдьё назвал *габитусом* — усвоенным, впитанным субъек-

том до уровня телесности принципом создания схем деятельности в какой-то области. Как-то Виктор Черномырдин, совершенно независимо от Пьера Бурдьё, так сформулировал отечественную идею габитуса: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Габитус и есть это «как всегда», воспроизводимое при бесконечно варьирующих обстоятельствах ситуации субъектами, воспитанными в одной базовой культуре.

Понимание того, что фреймы культуры обеспечивают структуру поведения для наших уникальных и индивидуальных Я, помогает объяснить, как совокупность идей или ценностей общества или профессиональной группы может оказаться влиятельной, даже если люди и не стремятся специально вести себя соответственно.

Как пишут Х. Маркус и С. Китаёма, многие американцы не стали бы настаивать на том, что они являются, прежде всего, самодостаточными и автономными сущностями. Скорее всего, они имеют опыт переживания себя как взаимозависимых, дружелюбных и в высокой степени социальных личностей и именно так рефлексируют себя. Но они, тем не менее, постоянно «установлены» на индивидуалистическую идею и связанные с ней практики, поскольку живут в обществе, созданном и основывающемся на принципе индивидуализма. Что бы они ни думали о себе, их действительная жизнь всё равно структурирована определённым образом организованными практиками и ситуациями, выйти за пределы которых возможно только путём особой работы личности.

Сформулируем утверждение, аналогичное теореме Томаса о реальности: *всё, что может быть прочитано человеком и понятно им как сообщение — и есть сообще-*

ние. Неважно, что думает по этому поводу отправитель и существует ли этот отправитель как индивидуальная сущность вообще.

Вернёмся к контексту: контекст есть не просто нечто окружающее и сопровождающее сообщение: это всё то, что воспринимается человеком как *окружающее его сообщение*. Более строго формулируя это обстоятельство, из которого мы будем исходить в дальнейшем (*субъективный характер контекста*), мы придём к необходимости различать между основным или центральным для субъекта сообщением и вспомогательным сообщением, несущим информацию о способах работы с основным сообщением либо об общих характеристиках того пространства или поля, в котором происходит действие. Будем маркировать вспомогательное сообщение дополнительным индексом. Сообщение-прим — это информация, считываемая субъектом из контекста и также используемая им для проектирования и регуляции поведения. Но это сообщение не рефлексируется субъектом, иначе оно приобретает статус основного сообщения, которое получает *свой контекст*.

Приведём пример. А. говорит Б.: «Молодец!». Текущая ситуация (разбитая кружка) и некоторые невербальные сигналы (интонация, длительный взгляд на партнёра) формируют сообщение-прим, которое используется Б. для того, чтобы идентифицировать один из множества смыслов, которое может иметь сообщение «Молодец!» и прочесть его в конце концов как «Раззява!».

Для психолога, натренированного в поиске и чтении невербальных сообщений, сообщение «Раззява!» сразу читается как центральное послание наблюдаемого взаимодействия, а в качестве считываемого как фон контекста

ТЕОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ**20**

может появиться модель соперничества между братьями в семье.

Итак, если мы разделяем весь поток информации на *сообщения и контекст*, то одним из центральных оснований для разделения будет то, что *контекст «прочитывается» субъектом как сообщения-прим*, которые фактически учитываются им в картине мира и регуляции поведения, но не осознаются ни по источнику, ни по способу происхождения.

Однако человек — существо с двойной детерминацией. Его поведение есть, с одной стороны, функция текущей ситуации, а с другой — оно обусловлено всей его предыдущей жизненной историей, включая и тот способ, которым субъект выбирает, что именно актуализировать из этой истории в данный момент. Так что центральное сообщение взаимодействия сопровождается сообщением-прим, привлекаемым субъектом из потока информации на основе своего знания о мире, которое он привлекает для интерпретации ситуации.

«...любая интерпретация мира основана на предыдущем знакомстве с ним — нашем лично или передаваемом нам родителями и учителями. Этот опыт в форме «наличного знания» (knowledge at hand) выступает как схема, с которой мы соотносим все наши восприятия и переживания. Это и есть запас наличного знания, которое до поры до времени воспринимается как нечто само собой разумеющееся, хотя в любой момент оно может быть поставлено под сомнение» (А. Шюц).

**ОБУЧЕНИЕ СРЕДОЙ.
РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ**

Часто достаточно совершить какое-то действие, чтобы потом сконструировать, усвоить и поверить в его рациональное (вернее —

рационализированное!) объяснение — это известный психологический факт. Человек, получивший в гипнотическом состоянии какое-то задание и инструкцию на амнезию, выполняет его, выйдя из транса, и достаточно логично находит ему объяснение для себя и окружающих. Социальный контекст состоит в существенной мере из практик, которые выполняются человеком только потому, что они стали для него естественным и несомненным способом жить и делать нечто. Выполненное действие влечёт за собой схему его объяснения и оправдания, которая может быть изобретена как самим индивидом, так и, что происходит чаще, предоставляется ему уже в готовом виде как одобряемая или социально приемлемая модель поведения.

Помимо рационализации при взаимодействии с контекстом или средой работает ещё один механизм — бессознательного вывода или, в иных терминах — *нерефлексивного умозаключения*, модель которого практически не обсуждается. Между тем она представляет особый интерес для практиков социального конструирования, идеологов и иных манипуляторов, равно как и для человека, пытающегося получить защиту от манипулятивных воздействий.

Речь идёт о следующем: как глаз человека в совокупности точек стремится найти завершённую фигуру и достраивает её (выделяя, например, рисунки созвездий), также и в сочетании и динамике событий и фактов субъект тяготеет к выделению связей и правил. В отличие от законов науки они не формулируются отчётливо и не проверяются на предсказательную надёжность или непротиворечивость следствий. Они иногда подкрепляются в личном опыте субъекта, и этого достаточно для их

существования. Некоторые из этих правил психологи называют *эвристиками* — сокращёнными способами приходиться к указаниям на решение задачи. Фактически это некоторые обобщения, которые могли бы быть сделаны человеком на основе заданной конфигурации исходных данных: приехал из командировки раньше, жена долго не открывала дверь, а потом сразу послала его вынести мусор. Даже если наш испытуемый и не знает соответствующей культурной модели (анекдота), то при определённых условиях он может затем испытать смутное чувство беспокойства.

Реализуемые нами практики содержат в себе множество сообщений, которые могут быть выбраны включёнными в них наблюдателями. Если вы, например, сидите на лекции, ни текста, ни цели которой не понимаете, и коротаете время, рисуя рюсалонок на столе, вместо того, чтобы уйти и заняться чем-то полезным, то реализуемая вами практика надиктовывает вам принципиальную связь явлений этого мира и вытекающий из неё императив: «Подчиняйся и имитируй согласие».

Поискем ещё примеры практик, диктующих участникам свои сообщения. Есть такая практика: администрация факультета внедряет журналы учёта посещаемости, проверки присутствия студента в аудитории и усложнённую процедуру предоставления студенту права на свободное посещение.

Контекстные сообщения, прочитываемые в зависимости от личности участника образовательного процесса, могут быть такими: «мотивация студентов — обязанность администрации», «образование — это трансляция контента (содержания) по схеме «слушаю-пишу-запоминаю»; в более общем виде — «содержание модели мира, способ и

температура её разучивания и необходимость её ритуального воспроизведения определяет старший по возрасту и статусу». В практическом смысле «поощряемые здесь добродетели — подчинение и старательность», в аспекте самооправдания инфантильности «не надо думать, с нами те, кто всё за нас решат», в протестном модусе — «борись с системой: ничего не учи и сдавай сессию как-нибудь».

Можно было бы назвать эти слабоосознаваемые и несфокусированные теоретические вытяжки из практик базовыми представлениями субъекта о мире. Они складываются путём медленного формирования неких инвариантов отношений, оценок или поведенческих схем в процессе синтеза (Эрикссон) или «осаждения» (Шюц) переживаний множества наблюдаемых или воспроизводимых в автоматизированных практиках связей социального мира. При всех недостатках формирования этих представлений их результат оказывается впечатляющим. Это так называемое личностное знание.

ЛИЧНОСТНОЕ ЗНАНИЕ

Что же такое личностное знание, или знание, принятое личностью? То, что мы иногда используем термин «личностное знание», означает, что мы сделали первый шаг по выделению феномена, но ни в коей мере не приближает нас к пониманию и объяснению этого явления. Как некое знание становится личностным и почему ученик вяло, но успешно сопротивляется навязываемому ему «неличностному» знанию?

Основу личности составляет интенциональность и пристрастность. Личностное знание представляет собой некую связь в субъективной модели мира, запечатлённую на фоне

ТЕОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ

22

сильного эмоционального переживания. Это запечатление «гарантирует» субъекту (а он выступает здесь как самообучающийся организм) истинность или реальность переживания. Наши органы чувств с различной степенью достоверности гарантируют нам реальность образов мира: «лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать». Но есть одна модальность, которая по своей конструкции даёт несомненное знание о реальности. Это — осязание, а тем более — болевое ощущение. То, что можно пощупать, ощутить как твёрдость, сопротивление, почувствовать весомость — это существует. Иными словами, то, что переживается через страдание и через боль, более реально для нас, чем всё остальное. Поэтому то знание, которое связано с преодолением и страданием (а под страданием мы понимаем и переживание тягот и напряжения, связанное с движением к цели), становится направляющим и ориентирующим поведение человека. Оно схватывается как реальная связь явлений и на уровне рефлексивного сознания, и на уровне неосознаваемых ментальных моделей отношений мира и субъекта.

Действие человека в мире — ещё один источник личностного запечатления. Сделать что-то, преодолевая сопротивление мира, а вдобавок пережить чувство удовлетворения от сделанного («Ай-да Пушкин!»), означает схватить и запечатлеть некую действенную связь «Я-мир».

Найти принцип или конструкт, выделив его среди хаоса впечатлений, и тем самым поверить в него, так же как и в себя как автора — это и есть путь бесспорного (и личностного!) знания.

Мы можем пройти этот путь и в другую сторону, что не менее увлекательно.

Возьмём тексты научных работ, особенно тех, кто ещё не научился скрывать свои мыс-

ли. Главные проблемы возникают не в том, что явно утверждает автор: здесь обычно суждения приемлемы и согласованы с доминирующим научным мнением. Но контекст мышления личности — нечто неосознаваемое и нерелексированное, поэтому открывающее аналитику доступ в область неоспоримого личностного знания человека.

Этот шаг в анализе текста — *проявить основания того или иного утверждения, высветить конструкцию, которую автор использует для обозначения фона своих размышлений или для связки идей, продолжить оборванную на каком-то моменте мысль автора* — и представляет собой рефлекссию контекста, в котором пишется текст. Не принято у нас, к сожалению, обращать внимание на неосознаваемые верования и убеждения человека, по-прежнему мы слышим и учитываем только отчётливые заявления. Но было сказано кем-то из умных и опытных управленцев: «Не слушай, что я говорю, смотри, что я делаю».

Я склонен верить бессознательным устремлениям человека гораздо больше, чем его заверениям, точно так же основания мышления автора интересуют меня гораздо больше, чем его результат. Я могу рассчитать этот результат и сам, понимая те основания, на которые нерелексивно опирается мыслитель. Собственно, эти основания и составляют собой суть субъекта: несколько желаний, оснащённых индивидуальными, случайно возникшими, но закрепившимися в опыте инструментальными средствами, и набор предсуждений о мире, отражающих наиболее эмоционально насыщенный, возможно, подростковый опыт, которые затем, при развитии вербальных способностей и утончён-

ного теоретического аппарата, перерастают в общую теорию мира.

КОНТЕКСТУАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ

Каков статус контекстуального знания? Пока оно не стало предметом педагогической и идеологической рефлексии, это — естественно-культурная система, создающая ткань повседневной жизни. Но как только способ его существования становится понятным для теоретика, тут же возникает практик с вопросом: нельзя ли формировать сообщения контекста так, чтобы они соответствовали неким поставленным им целям. Смысл этого запроса в том, что сообщение, извлечённое субъектом из контекста его активности, не подвергается критическому анализу и сомнению. Механизм неосознаваемого вывода приводит человека к

заключениям, которые «появляются» у него в голове как неоспоримая картина мира: «это — больше чем факт, так оно и есть на самом деле».

Конечно, сообщения, считаваемые из контекста, в свою очередь зависят от контекста биографического пути, в котором находится личность в данный момент, и от её актуального «само». Существуют типичные для данной культуры контексты и типичные способы их прочтения, что и позволяет нам с достаточной большой вероятностью строить предсказательные модели *для* и *за* другого человека. Постановка вопроса об управлении контекстом приводит нас к проблеме возможности целенаправленного создания контекста или его имитации.